

© 2010 г.

А.В. МИХАЙЛЕНКО, В.И. МИХАЙЛЕНКО

НОВЫЕ ИТАЛЬЯНСКИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ О ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ КРИЗИСЕ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Исследователи Второй мировой войны ждали выхода трех последних томов (IX, X и XI) восьмой серии итальянских дипломатических документов почти полвека¹. Хронологически идущие за ними XII и XIII тома были изданы в 1952 и 1953 годах². В полном виде восьмая серия представлена 13 томами, охватывающими период с 15 апреля 1935 г. по 31 августа 1939 г.

В комментариях научной редакции рассматриваемого издания нет никакого объяснения задержке публикации. Попытки авторов данной статьи выяснить причину отложенной публикации у членов итальянской комиссии также не дали желаемого результата. По косвенным признакам, прежде всего, по личным публикациям в 50–60-х годах первого председателя комиссии М. Тоскано можно предположить, что работа над подготовкой архивных документов к изданию была завершена к началу 60-х годов³. Однако в тот период публикации документов так и не увидели свет. Возможно, задержка была вызвана международной обстановкой – процессом строительства общих европейских институтов – и обращение к неприглядным сторонам политики европейских государств накануне Второй мировой войны могло осложнить общественный фон интеграционных процессов.

Хотелось бы обратить внимание на некоторые особенности опубликованных документов. Прежде всего, следует отметить, что преобладают донесения итальянских дипломатических представителей за рубежом. Директивных документов министерства иностранных дел и главы правительства Италии опубликовано немного. При этом большая их часть уже увидела свет в 1948 г. в сборнике “Европа на пути к катастрофе”⁴.

* *Михайленко Андрей Валерьевич* – аспирант кафедры европейских исследований Уральского государственного университета.

Михайленко Валерий Иванович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории международных отношений Уральского государственного университета, Заслуженный деятель науки РФ.

¹ Documenti Diplomatici Italiani (далее – DDI). Ottava ser. 1935–1939. v. IX. 24 aprile – 11 settembre 1938. Roma, 2001; v. X. 12 settembre – 31 dicembre 1938. Roma, 2003; v. XI. 1 gennaio – 22 maggio 1939. Roma, 2006.

² DDI, ottava ser. v. XII. 23 maggio – 11 agosto 1939. Roma, 1952; v. XIII. 12 agosto – 3 settembre 1939. Roma, 1953.

³ Вышедшая в 1956 г. книга М. Тоскано “Дипломатическое происхождение Стального пакта” опирается на огромный массив архивных дипломатических документов, большинство из которых затем были опубликованы в сборниках дипломатических документов: *Toscano M. Le origini diplomatiche del patto d'acciaio*. Firenze, 1956.

⁴ *Mosca R. L'Europa verso la catastrofe*, 2 v. Milano, 1948.

Кроме того, значительная часть наиболее важных документов относительно итало-германских и итало-британских отношений оказалась поврежденной (мы не можем утверждать, что это было сделано преднамеренно), и некоторые страницы и абзацы не прочитываются.

Тем не менее, даже после состоявшихся публикаций американских, германских, французских, британских, советских и некоторых итальянских дипломатических документов кануна Второй мировой войны недавно завершенная публикация Восьмой серии итальянских дипломатических документов содержит немало интересного.

Рассматриваемые в настоящем обзоре тома охватывают период с 24 апреля 1938 г. по 22 мая 1939 г. Среди наиболее важных событий данного периода, которые нашли отражение в публикации итальянских дипломатических документов, можно выделить следующие:

Переговоры между руководителями Германии, Италии и Японии о заключении Тройственного военного союза, которые завершились 22 мая 1939 г. подписанием двустороннего итало-германского военного союза.

Чехословацкий политический кризис 1938 г. и дипломатические маневры, которые привели к подписанию Мюнхенского соглашения.

Постмюнхенская политическая игра западных и фашистских государств, нацеленная на достижение соглашения между ними за счет малых государств.

Попытки итальянской дипломатии использовать новые тенденции в советской внешней политике после Мюнхенского соглашения.

Обострение борьбы за передел европейских территорий в связи с расчленением Чехословакии и возникновением польского кризиса.

Формирование итальянской концепции “параллельной” внешней и военной политики.

ПЕРЕГОВОРЫ О ФОРМИРОВАНИИ ТРОЙСТВЕННОГО ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЮЗА

23 октября 1936 г. было подписано итало-германское соглашение о создании политической “оси Рим – Берлин”. 25 ноября того же года в Берлине состоялось официальное заключение Германией и Японией Антикоминтерновского пакта, направленного на окружение и изоляцию СССР. Через год к нему присоединилась Италия. На деле подписанные документы не привели к согласованным действиям трех государств в политической и, тем более, в военной областях.

Вслед за аншлюсом Австрии в марте 1938 г. угроза нацистской агрессии нависла над Чехословакией. Формально итальянское руководство солидаризировалось с действиями Германии. Однако в реальности попыталось противодействовать дальнейшему германскому продвижению в Юго-Восточную Европу и на Балканы, которые в Риме рассматривались как итальянская сфера влияния. Кроме того, итальянцы серьезно воспринимали распространявшиеся в Германии слухи о скором присоединении Южного Тироля (итальянской провинции Альто Адидже) к “третьему рейху”⁵.

Согласно военному плану, разработанному в итальянском генеральном штабе, была укреплена граница с Германией, приведены в готовность семь дивизий, дислоцированных к востоку от реки Минчио и к северу от реки По. В международном плане рассматривался вопрос о союзных отношениях с Францией и Югославией⁶. Одновременно фашистское руководство форсировало заключение 16 апреля 1938 г. англо-итальянского “пасхального соглашения”⁷. Подписанные соглашения

⁵ DDI, v. IX, doc. 11, p. 23; doc. 25, p. 42–44.

⁶ Ibid., doc. 15, p. 29; *Minniti F.* Fino alla Guerra. Strategie e conflitto nella politica di potenza di Mussolini, 1923–1940. Napoli, 2000, p. 163.

⁷ *Михайленко В.И.* Англо-итальянское соглашение 16 апреля 1938 г. – Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке в новейшее время. Свердловск, 1982.

должны были привести к полному урегулированию англо-итальянских противоречий в бассейнах Средиземного, Красного моря и в Северной Африке⁸. В то же время шли переговоры между Францией и Италией о подписании договора, подобного англо-итальянскому. 2 мая проект договора был направлен французской стороной в Рим⁹.

Параллельно фашистское руководство активизировало свои усилия по созданию блока стран, включающего Югославию, Румынию, Польшу. Эта группировка государств должна была обезопасить стран – участниц блока от потенциальных германских притязаний. Прямым следствием аншлюса стало также распоряжение Муссолини о подготовке захвата Албании через год¹⁰. Вместе с тем та легкость, с которой Гитлер реализовывал свои дерзкие экспансионистские планы, подталкивала Муссолини к решению проблем собственной безопасности и реваншистских планов в союзе с Германией.

В конце апреля 1938 г. накануне визита Гитлера в Италию германское министерство иностранных дел подготовило несколько проектов договора с Италией о военно-политическом союзе. В секретном протоколе одного из них предусматривалось ведение совместных военных действий против Англии и Франции. В нем говорилось о координации военных мероприятий, установлении постоянного сотрудничества военных командований двух стран, о совместном ведении войны, обмене разведывательной информацией о вооруженных силах противника, об обмене военно-техническим опытом, взаимном приготвлении в области военной экономики и вооружений, совместном обсуждении оперативных и тактических вопросов, распределении стратегических объектов для достижения общих военных целей, согласовании военно-правовой политики¹¹.

Итальянская сторона противопоставила немецкому проекту свой собственный, в котором главный акцент был сделан на определении и разграничении сфер влияния в Балканском и Дунайском регионах, а также на решении проблемы Альто Адидже путем выселения из провинции немецкоязычного населения¹².

В обстановке обострения германско-чехословацких отношений 3–9 мая состоялся визит Гитлера в Италию¹³. Внешняя сторона итало-германских переговоров была обставлена более помпезно, чем предыдущие встречи глав правительств, но исходом переговоров оказались недовольны обе стороны. Главы государств обсудили представленный немецкой стороной проект пакта.

Опираясь на соглашение с Англией, итало-фашистское руководство стремилось выторговать уступки у Германии в Юго-Восточной Европе в обмен на дальнейшее сближение с ней. В свою очередь германское руководство стремилось нейтрализовать значение англо-итальянского соглашения, связав Рим военным союзом, и облегчить осуществление агрессивных планов в отношении Чехословакии на случай вмешательства Англии и Франции в конфликт.

Муссолини дал понять, что не собирается отказываться от переговоров с Англией. Более того, немецкая сторона сделала вывод, что в случае возникновения конфликта из-за судетской проблемы Италия останется “с оружием у ноги”, не будет чинить препятствия германским действиям, но и не предпримет активных действий в поддержку Германии¹⁴.

⁸ Михайленко В.И. Мюнхенский сговор и политика фашистской Италии – Мюнхен – преддверие войны. М., 1988, с. 116–117.

⁹ DDI, v. IX, doc. 43, p. 71–73.

¹⁰ Minniti F. Op. cit., p. 165.

¹¹ DDI, v. IX, doc. 56, p. 85.

¹² Михайленко В.И. Формирование итало-германского военно-политического союза в 1936–1939 гг. – Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке..., с. 43.

¹³ Как отмечают составители сборника, итальянские документы о визите Гитлера были испорчены из-за высокой влажности и являются нечитабельными. – DDI, v. IX, p. 85.

¹⁴ Ibid., doc. 56, p. 85–86.

В свою очередь германская сторона игнорировала настойчивые призывы Рима пойти навстречу в признании итальянских интересов в дунайско-балканском районе¹⁵.

В конце мая в Риме было принято решение продолжить обсуждение проекта договора о военном союзе с германскими руководителями. В этот период у итальянцев возникли затруднения в переговорах с Англией и особенно с Францией. Одновременно Муссолини предложил вовлечь в переговоры Японию. 31 мая посол Италии в Токио сообщил, что он получил информацию о японских предложениях. Они включали заключение договора о взаимных обязательствах благожелательного нейтралитета в случае вступления в войну одной из сторон и подписание отдельных договоров между генеральными штабами сухопутных сил и флота¹⁶.

Однако детальное обсуждение проекта в различных японских властных структурах, закончившееся к началу июля, показало большую вероятность втягивания страны в конфликт с Великобританией при незначительных преимуществах в случае войны против СССР¹⁷.

В то время как в Токио затягивали обсуждение вопроса о тройственном союзе, активность проявила германская сторона. 23 июня министр иностранных дел И. Риббентроп принял итальянского посла в Берлине Б. Аттолико. В ходе беседы Риббентроп затронул вопрос о договоре. Он отметил, что только безусловный военный союз отвечал бы интересам обеих стран. Риббентроп подчеркнул, что в период разрешения судетского кризиса Германия будет полагаться исключительно на себя и не настаивает на итальянской военной помощи. Посол сделал вывод о том, что Риббентроп настаивал на трехстороннем договоре, но не исключал возможность заключения двустороннего между Германией и Италией¹⁸. 27 июня Чиано поручил послу в Берлине проинформировать Риббентропа о намерении встретиться с ним примерно через месяц в Комо для подготовки договора¹⁹. Зондаж в Берлине дал неожиданные результаты. Германское руководство категорически отказалось включить военные статьи в секретный протокол, оно настаивало на открытом военном союзе с участием Японии. Итальянский исследователь М. Тоскано объясняет изменившуюся позицию Берлина уверенностью немцев решить чехословацкий вопрос без участия Италии²⁰. Не исключено и противоположное – открытым военным союзом германское руководство предполагало усилить нажим на Англию и Францию с тем, чтобы добиться решения судетской проблемы мирным путем.

Тем временем из поездки в Германию вернулся генерал А. Париани. Он был принят Гитлером и Герингом и на него произвело огромное впечатление масштабы и темпы наращивания мощи германской армии. В отчете, направленном на имя главы фашистского правительства по итогам визита, Париани предлагал как можно скорее договориться с Германией о создании постоянно действующего органа военно-технического сотрудничества. У него сложилось впечатление, что Германия настроена на решительное углубление двухсторонних отношений. Германская сторона заявила, что между Италией и Германией нет непримиримых противоречий. Италия имеет интересы в юго-восточном направлении (Средиземноморье). Германия устремлена на северо-восток. В “контактных зонах” обе стороны могут урегулировать проблемы законным путем. Что касается деликатной для Италии проблемы Альто Адидже, то германская сторона намерена решить ее путем репатриации немецкого населения из этой зоны. В

¹⁵ В письме министра иностранных дел Г. Чиано в дипломатические миссии в Белграде, Бухаресте, Будапеште и Софии указывалось, что не произошло “никакого раздела на зоны влияния ни на Балканах, ни в других районах”. – *Ibid.*, doc. 103, p. 146.

¹⁶ *Ibid.*, doc. 201, p. 270; doc. 235, p. 316; *Ferretti V. Il Giappone e la politica estera italiana. 1935–1941.* Varese, 1983, p. 218.

¹⁷ *Ferretti V. Op. cit.*, p. 219.

¹⁸ DDI, v. IX, doc. 253, p. 342–346.

¹⁹ *Ibid.*, doc. 267, p. 362–363.

²⁰ *Toscano M. Op. cit.*, p. 26.

июле переговоры о военном союзе были продолжены. Итальянская сторона продолжала настаивать на соглашении о разграничении сфер влияния в Юго-Восточной Европе и на Балканах.

Осложнение международной обстановки в связи с вступлением чехословацкого кризиса в заключительную стадию сделало неясной перспективу переговоров о военном союзе. В донесениях итальянских дипломатических представителей в Берлине, Лондоне, Париже, Чехословакии звучали панические настроения относительно неминуемой европейской войны. Б. Аттолико сообщал из Берлина, что даже нацистские экстремисты пессимистично оценивают итоги вооруженного столкновения с Великобританией и Францией. По его личному убеждению, все стороны постараются избежать войны и решить судетскую проблему дипломатическим путем²¹.

В Токио проект тройственного пакта был обсужден 12 августа на Совете пяти министров²². Складывалось впечатление, пишет итальянский исследователь В. Ферретти, что в Токио стремились провести серию параллельных переговоров с Римом и Берлином, в ходе которых планировалось добиться исключения обязательств автоматического вступления в войну²³.

С конца июля 1938 г. внимание европейских правительств и общественности переключается на миссию британского лорда Ренсимена, который выступил посредником в урегулировании судетской проблемы дипломатическим путем.

В конечном итоге Риббентроп не прибыл в Комо, как предполагалось, а его итальянский коллега Чиано уклонился от поездки на Нюрнбергский съезд НСДАП. Однако это не помешало усилить сотрудничество в военных областях. В начале августа произошел обмен военными делегациями. Германская делегация во главе с генералом Ф. Фроммом наблюдала за итальянскими военными маневрами. А итальянский маршал И. Бальбо посетил Германию для участия в авиационной выставке. Записей его переговоров в Германии, в том числе 13 августа с Гитлером почему-то не сохранилось. Все более тесными становились итало-германские контакты в области пропаганды.

В этот сложный период нарастания чехословацкого кризиса, пожалуй, самой актуальной задачей для итальянского руководства являлось получение точной информации о намерениях Гитлера. 18 августа военный атташе в Берлине Э. Маррас сообщил в Рим, что согласно доверительным источникам Германия может начать вторжение в Чехословакию в период между концом сентября – началом октября. Весь расчет строится на невмешательстве Великобритании и Франции²⁴. 25 августа Аттолико сообщил в Рим о том, что немецкая военная машина практически готова к вторжению²⁵. 27 августа Риббентроп передал через Аттолико, что он проинформирует Рим о решении в отношении Чехословакии сразу, как только это станет возможным²⁶.

Донесения итальянских дипломатов свидетельствуют о стремлении британского руководства не допустить вступления Италии в войну одновременно с Германией²⁷. Британское правительство прилагало максимальные усилия, чтобы ввести в действие “пасхальное соглашение”. Еще 12 мая правительство Великобритании внесло на рассмотрение Совета Лиги наций предложение о предоставлении свободы действий всем членам Лиги наций в вопросе признания захвата Италией Эфиопии. Против английского предложения выступили СССР, Китай, Боливия и Новая Зеландия.

Со своей стороны, Берлин стремился убедить британское руководство в силе итало-германского сотрудничества. “Ось еще никогда ранее не была столь крепкой, как

²¹ DDI, v. IX, doc. 310, p. 420–421; doc. 311, p. 421; doc. 328, p. 442–446; doc. 349, p. 467–470.

²² Совет пяти министров – законосовещательный орган при императоре Японии, существовавший с 1888 по 1947 г.

²³ *Ferretti V.* Op. cit., p. 220.

²⁴ DDI, v. IX, doc. 406, p. 574.

²⁵ *Ibid.*, doc. 430, p. 609.

²⁶ *Ibid.*, doc. 442, p. 635.

²⁷ *Ibid.*, doc. 453, p. 649.

сейчас”, – утверждал Риббентроп и намекал, что Великобритания может получить серьезные проблемы в Средиземноморье с Италией и на Дальнем Востоке с Японией²⁸.

В столь сложной международной обстановке итальянское руководство опасалось упустить свой шанс. Во время встречи с Риббентропом итальянский посол буквально дословно передал ему слова Чиано: “Мы не должны, не можем и не хотим создавать впечатление для итальянского народа, что развитие событий станет сюрпризом для нас”²⁹. В начале сентября Гитлер и Муссолини обменялись знаками взаимной солидарности в случае судетского конфликта.

Обострение европейской ситуации оказало влияние на тройственные переговоры о военном союзе. Германия стремилась активизировать переговоры. В Токио обнаружилось межведомственные разногласия по этому вопросу. Особый отпечаток на решение по данному вопросу накладывало обострение советско-японских отношений. 15 сентября в Рим от посла в Токио Дж. Аурити поступило сообщение, в котором подчеркивалось, что он пока не знает, идет ли речь о японско-германском договоре или о тройственном союзе³⁰. Спустя три дня посол сообщил, что в своей основе проект был одобрен правительством и министерством иностранных дел. Послу И. Хиратори было поручено передать проект в Рим, а военной миссии обсудить технические аспекты. Японская сторона предлагала заключить отдельные договоры с Германией и с Италией³¹.

ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС И МЮНХЕНСКИЙ СГОВОР

Выступление Гитлера на Нюрнбергском съезде нацистской партии 6 сентября 1938 г. открыло новую фазу судетского кризиса. Сразу же после его выступления судетские немцы спровоцировали кровавые столкновения с полицией, в ходе которых имелись убитые с обеих сторон, и ультимативно потребовали вывода чехословацкой полиции из своей зоны³². А Риббентроп дал знать итальянскому послу, что речь идет о самом радикальном решении проблемы, основанном на самоопределении судетских немцев³³.

Член комиссии по публикации итальянских дипломатических документов Дж. Андре считает, что публикация письма Муссолини британскому посреднику лорду Ренсимену подвела ту черту, после которой “судетский кризис” преобразовался в “чехословацкий кризис”³⁴. В обращении к лорду Ренсимену Муссолини расширительно толковал возникший политический кризис, отметив, что в нем присутствуют не только судетские проблемы, но также польские, венгерские и словацкие. Чехословацкое государство он назвал “искусственным образованием Версальской системы”³⁵. Заявление главы фашистского правительства естественно способствовало укреплению отношений Италии с Венгрией и Польшей, претендовавших на часть территории Чехословакии.

Судя по опубликованным документам и записям в дневнике Чиано, Муссолини не верил в возможность серьезного разрастания конфликта с западными державами и распорядился “начать мобилизацию, достаточную для обеспечения на первый случай вооруженного нейтралитета”³⁶.

Через дипломатические и доверительные каналы в Рим стекалась информация об истинных намерениях руководства западных держав относительно чехословацкого

²⁸ Ibid., doc. 453, p. 651.

²⁹ Ibid., doc. 461, p. 663.

³⁰ Ibid., doc. 35, p. 32.

³¹ Ferretti V. Op. cit., p. 220–221.

³² DDI, v. IX, doc. 26, p. 26.

³³ Ibid., v. X, doc. 12, p. 13.

³⁴ Ibid., v. X, doc. 24, p. 23–24. Письмо было опубликовано в фашистском офицозе “Popolo d’Italia” 14 сентября 1938 г.

³⁵ DDI, v. X, p. IX.

³⁶ Ciano G. Diario. 1937–1943. Milano, 1990, p. 184.

кризиса. 20 сентября итальянский посол в Лондоне Д. Гранди сообщил в Рим, что по полученным данным от доверенного лица³⁷ в правительстве Великобритании обсуждался вопрос о передаче Германии судетской области без проведения плебисцита, о создании кантонов для этнических групп в местах их проживания, а также о придании Чехословакии статуса нейтрального государства под гарантии великих держав³⁸.

21 сентября министр иностранных дел Великобритании Э. Галифакс лично позвонил послу Д. Гранди и сообщил, что под давлением Франции и Великобритании чехословацкое правительство решило уступить Германии “полностью”³⁹. 22 сентября Чиано подготовил докладную записку для Муссолини. В ней сообщалось о результатах его бесед с посланником Венгрии и послом Великобритании. В первом случае Чиано констатировал стремление Венгрии силовым образом решить проблему венгерских меньшинств, проживающих на территории Чехословакии. В связи с этим он рекомендовал венгерскому руководству не провоцировать конфликт, дабы не побудить к действию Малую Антанту. Посол Великобритании информировал его о продолжении “мирной инициативы” Н. Чемберлена и выразил надежду на то, что Германия преждевременными действиями не сорвет эти усилия. Чиано обратил внимание посла на важность одновременного решения проблемы польского и венгерского меньшинств⁴⁰.

Таким образом, германское и итальянское руководство поощряли территориальные претензии Будапешта и Варшавы, правительства которых охотно включились в борьбу за раздел чехословацкой территории. А между Берлином и Римом развернулось соперничество за влияние на Варшаву и Будапешт. Гитлер рекомендовал правительствам Венгрии и Польши интенсифицировать их территориальные притязания к Чехословакии⁴¹.

Мюнхенское соглашение спровоцировало обострение территориальных претензий ряда стран Восточной Европы в отношении Чехословакии. Итальянские дипломатические документы показывают неприглядную роль правящих кругов Венгрии и Польши в попытках расчленения Чехословакии⁴².

Правительство Чехословакии все больше оглядывалось на Лондон и Париж, не принимая в расчет возможность поддержки со стороны Москвы. Правительства Польши и Венгрии стояли на откровенно античехословацких позициях и были готовы ввести свои войска на ее территорию. Венгерское правительство даже согласилось предоставить свои аэродромы немецкой авиации⁴³. И получило согласие Рима на размещение итальянских истребителей для обороны Будапешта⁴⁴.

Руководство Румынии проявляло заинтересованность в союзе с Польшей в большей мере, чем в выполнении обязательств в отношении Чехословакии. Тем не менее, министр иностранных дел Румынии Н. Петреску-Комнен заявил, что его страна не останется безучастной в случае вторжения Венгрии в Чехословакию и призвал югославы к солидарности с Румынией. Однако югославское правительство предпочло остаться вне конфликта⁴⁵.

Советское руководство, напротив, попыталось повлиять на Варшаву, дав понять, что если польские войска оккупируют чехословацкую территорию, оно расторгнет пакт о ненападении с Польшей. Как отметил итальянский посол в Варшаве, это вряд ли могло оказать какое-либо влияние на решение польского правительства⁴⁶. В разгар

³⁷ Речь идет об адвокате А. Дингли, много лет являвшимся одним из “секретных каналов связи” между Муссолини и семьей Чемберленов.

³⁸ DDI, v. X, doc. 83, p. 74.

³⁹ Ibid., doc. 97, p. 91.

⁴⁰ Ibid., doc. 109, p. 104–105.

⁴¹ Ibid., doc. 108, p. 103.

⁴² Ibid., doc. 305, p. 310–311; doc. 353, p. 363; doc. 347, p. 359.

⁴³ Ibid., doc. 128, p. 121.

⁴⁴ Ibid., doc. 141, p. 131.

⁴⁵ Ibid., doc. 138, p. 129; doc. 133, p. 124.

⁴⁶ Ibid., doc. 121, p. 115.

кризиса 28 сентября Польша направила меморандум президенту Чехословакии Э. Бенешу, в котором выдвигала требования уступок двух районов⁴⁷.

По мере усиления капитулянтских настроений в Лондоне и Париже советское руководство стало выражать свою озабоченность и разочарование политикой западных государств. Эта тема стала основной в донесении итальянского посла в Москве А. Росо о результатах его встречи 22 сентября с заместителем наркома иностранных дел В.П. Потемкиным. Посол отметил, что Потемкин все еще верит в возможность сопротивления чешского народа и давления Народного фронта на французское правительство. Росо обратил внимание на слова Потемкина о том, что, по его мнению, следующей немецкой жертвой станет Польша: “Сегодня Польша провозглашает аннексию небольшой зоны чехословацкой территории, где живут несколько десятков тысяч польских меньшинств. Она забывает, однако, что в границах польского государства проживают миллионы украинцев, немцев, белорусов, евреев и др... И кто придет Польше на помощь в час опасности для нее?” Посол обратил внимание на то, что в разговоре с ним Потемкин использовал слова “раздел Польши”. Исходя из этого, Росо сделал вывод о появлении новых идей у советских руководителей. “Мое мнение сводится к тому, – писал итальянский посол, – что в качестве ближайшей реакции на текущие события СССР может отказаться от своих попыток международного сотрудничества с “буржуазными демократическими правительствами” и перейти к оборонительной изоляционистской политике (не отказываясь от революционной коммунистической пропаганды в отношении тех же демократических государств)”. К этому посол добавил, что, по его мнению, вчерашняя речь наркома иностранных дел М.М. Литвинова является примечательным показателем провала политики “коллективной безопасности”, которую проводил СССР в последние годы. “Это означает, – констатировал посол, – что СССР снимает с себя какую-либо ответственность и собирается проводить внешнюю политику в соответствии с собственными идеалами и интересами. Если оставить в стороне идеалы, то собственные интересы могут побудить к радикальному изменению системы друзей и союзников. И хотя это вопрос второстепенной важности, после полного провала политики коллективной безопасности можно прогнозировать изменение положения самого М. Литвинова”⁴⁸.

В других своих донесениях посол Росо сообщал, что “черная тень пакта четырех буквально преследует Москву”, а 17 октября он после беседы с Потемкиным пришел к выводу, что впервые советские официальные лица намекнули на возможность советско-германского соглашения⁴⁹.

После Мюнхенской конференции глава британского кабинета Н. Чемберлен вообще не принимал в расчет советские интересы, а французское руководство с каждым днем все сильнее склонялось к позиции Чемберлена. Тем не менее основная линия советской внешней политики, отмечается в публикации итальянских дипломатических документов, оставалась неизменной, направленной на создание системы коллективной безопасности. В донесениях, поступавших из итальянского посольства в Москве, констатировалось продолжение антигерманской политики Москвы, что находило выражение в смягчении позиции Москвы в отношении Польши⁵⁰. 26 ноября была оглашена польско-советская декларация, которая подтверждала действие Договора о ненападении между двумя странами, и содержала заявление об улучшении торговых отношений между ними⁵¹. Мимо внимания итальянского посла также не прошли действия Кремля, направленные на улучшение отношений с Соединенными Штатами⁵².

⁴⁷ Ibid., doc. 174, p. 159; doc. 186, p. 169.

⁴⁸ Ibid., doc. 110, p. 105–107.

⁴⁹ Ibid., doc. 192, p. 178; doc. 289, p. 292.

⁵⁰ Ibid., doc. 399, p. 430–431; doc. 551, p. 601.

⁵¹ Ibid., doc. 476, p. 505–507.

⁵² Ibid., doc. 416, p. 449–450.

РАСЧЕТЫ И ПРОСЧЕТЫ ОРГАНИЗАТОРОВ МЮНХЕНСКОГО СГОВОРА

29–30 сентября 1938 г. состоялась Мюнхенская конференция, в ходе которой было подписано соглашение, предусматривавшее отторжение Судетской области от Чехословакии и ее передачу Германии. На второй день работы конференции Чемберлен и Гитлер подписали англо-германскую декларацию о ненападении. В постановке мюнхенской трагедии Муссолини сыграл отведенную ему роль согласно сценарию “плана Зет”, разработанного Чемберленом в конце августа 1938 г. Однако “истинным триумфатором в тот момент был Гитлер”, – справедливо констатирует итальянский историк Дж. Канделоро⁵³.

В ходе Мюнхенской конференции между Чемберленом и Муссолини состоялся краткий обмен мнениями. Глава британского кабинета предложил провести конференцию четырех держав для обсуждения испанского вопроса. Муссолини обошел молчанием это предложение, однако обещал в ближайшее время осуществить вывод примерно половины интервенционистского корпуса из Испании и пригласил Чемберлена посетить Италию, как только отношения между двумя странами будут урегулированы. Этими действиями Муссолини рассчитывал ускорить вступление в силу англо-итальянского соглашения от 16 апреля 1938 г.⁵⁴

По рекомендации из Лондона французское правительство предприняло шаги к улучшению отношений с Римом, направив после долгого перерыва нового посла, вручение верительных грамот которым было равносильно признанию итальянской империи. Сдержанная реакция со стороны Италии в отношении Франции означала, что в Риме не считают эти инициативы достаточными для нормализации двусторонних отношений.

Одновременно британское руководство предложило фашистской Италии сценарий мероприятий, публичное объявление о которых, по его расчетам, должно было облегчить ратификацию парламентом англо-итальянского соглашения. Во врученном британским послом 14 октября меморандуме Чиано содержались предложения вывести 10-ти тысячный контингент итальянских сухопутных сил из Испании, что составляло более половины находившихся там итальянских войск; не направлять в Испанию новые итальянские войска; не стремиться компенсировать вывод итальянских сухопутных сил дополнительной отправкой летчиков; прекратить итальянские бомбардировки в Испании, которые могли бы привести к жертвам на английских судах⁵⁵. В этом меморандуме не упоминалось сделанное 10 днями ранее предложение Галифакса о проведении конференции четырех держав по испанскому вопросу.

Правительство Англии, как считает итальянский исследователь Д. Болек Чеки, исходило из того, что прекращение войны в Испании придаст большую свободу действий Италии, приведет к ослаблению ее связей с Германией, а соглашение с Италией будет содействовать прекращению ее антибританской кампании на Ближнем и Среднем Востоке, а также способствовать урегулированию эфиопской проблемы и нормализации положения в Северо-Восточной и Восточной Африке, и в целом положительно повлияет на обстановку на Балканах и в других районах Средиземноморья. Признав Центральную Европу германской сферой влияния. Великобритания должна сосредоточить свои усилия на защите своей империи, а также интересов на Иберийском полуострове и в Средиземноморье в целом⁵⁶.

Руководитель группы консультантов в британском МИД Р. Ванситтарт, скептически относившийся к возможности отрыва фашистской Италии от Германии, указывал

⁵³ *Candeloro G. Storia dell'Italia moderna, v. 1–11. Milano, 1956–1986, v. 9, p. 423.*

⁵⁴ *DDI, v. X, doc. 199, p. 186–187.*

⁵⁵ *Ibid., doc. 277, p. 279–280.*

⁵⁶ *Bolech Cecchi D. L'accordo di due imperi: l'accordo italo-inglese del 16 aprile 1938. Milano, 1977, p. 215–218.*

на то, что Муссолини шантажировал Чемберлена угрозой заключения военного союза с Германией⁵⁷.

В конце октября была завершена работа над измененным текстом тройственного союзного договора, проект которого уже обсуждался двумя министрами иностранных дел во время Мюнхенской конференции. Изменения коснулись всех разделов проекта. Если первоначально в преамбуле говорилось, о намерении этих стран “защитить от угрозы их общие идеологические интересы”, то в новом проекте содержался более широкий призыв к “защите общих интересов трех договаривающихся держав”. В основной документ были внесены четвертая и пятая статьи, запрещавшие заключать сепаратно перемирие или мир, и определившие продолжительность действия пакта в 10 лет, условия его вступления в силу, продления и прекращения действия. Вторая статья была дополнена обязательством экономической поддержки. В третьей был убран последний абзац, в котором отмечалось, что “договаривающиеся державы убеждены в том, что заключением настоящего договора они смогут внести последующий вклад в дело сохранения мира для их народов и всего человечества”. В новом проекте подобная маскировка агрессивной сущности договора, видимо, была сочтена излишней. Примечательно, что было включено обязательство немедленно рассмотреть мероприятия в случае вступления в войну одной из сторон. Содержание дополнительного секретного протокола в основном было сохранено, но он приобрел более обязательный характер по сравнению с предыдущим⁵⁸.

Для обсуждения нового проекта пакта 27 октября в Италию прибыл Риббентроп. Его переговоры в Риме выявили нежелание итальянской стороны форсировать подписание соглашения. Это объяснялось многими причинами. Об одной из них Чиано записал в дневнике 27 октября: “У меня всегда было желание заморозить его [военный пакт], тем более что Перт (посол Великобритании в Риме. – *А.М., В.М.*) сообщил мне по секрету о решении англичан ратифицировать апрельский пакт в середине ноября. Мы должны держать открытыми обе двери. Союз сегодня (с Германией. – *А.М., В.М.*) закрыл бы, возможно, навсегда одну из них и не менее важную. Дуче, которого я информировал, думает точно так же”⁵⁹.

Другую причину уклонения итальянской стороны от немедленного заключения военного союза Муссолини напрямую изложил Риббентропу. “Мы стремимся к союзу, который изменит мировую географическую карту. Поэтому необходимо зафиксировать наши цели и определить завоевания: с нашей стороны мы знаем, куда направляться”⁶⁰.

Итальянская сторона была всерьез обеспокоена тем, что германское руководство на словах признавало Средиземноморье, Балканы и Юго-Восточную Европу итальянской сферой влияния, а на деле стремительно продвигало свои интересы в эти регионы. В первой половине октября состоялась поездка германского министра экономики В. Функа в Болгарию, Югославию и Турцию. Итальянские дипломатические миссии в этих странах внимательно следили за этим визитом. Мимо их внимания не ушло заявление Функа о том, что при участии этих стран Германия выстраивает “разновидность балканской оси, простирающейся до Северного моря”⁶¹. Особенно впечатляющими оказались германские торговые, экономические и инвестиционные предложения этим странам. Германский министр не скрывал намерения его страны установить полный контроль над судоходством на Дунае.

Итальянская сторона пыталась противопоставить германскому проникновению созданием блока государств, включающего Италию, Венгрию и Варшаву. В связи с этим она поддерживала польское и венгерское руководство в их намерении дос-

⁵⁷ DDI, v. X, doc. 277, p. 213.

⁵⁸ Ibid., doc. 191, p. 176–177; doc. 337, p. 345–346; doc. 343, p. 351.

⁵⁹ *Ciano G.* Op. cit., p. 203.

⁶⁰ DDI, v. X, doc. 344, p. 356; doc. 349, p. 360.

⁶¹ Ibid., doc. 366, p. 380, p. 382.

тичь общей польско-венгерской границы за счет аннексии чехословацкой территории⁶².

В процессе обмена мнениями между Римом и Берлином было достигнуто соглашение о проведении 2 ноября в Вене арбитража с целью удовлетворения территориальных претензий Венгрии к Чехословакии. Состоявшийся 2 ноября 1938 г. под эгидой Германии и Италии первый Венский арбитраж предписывал передать Венгрии южные районы Словакии и Закарпатской Украины. Однако из-за противодействия Германии не были удовлетворены польские и венгерские планы установления общей границы. Под нажимом Берлина итальянское руководство было вынуждено отказать Венгрии в политической и военной поддержке ее попыток силой добиться поставленных целей⁶³.

1 ноября 1938 г. британский парламент начал дебаты по англо-итальянскому соглашению. А спустя три дня посол Гранди информировал Чиано о готовности британской стороны ввести соглашение в силу 15 или 16 ноября⁶⁴.

Подготовленный 10 ноября британским кабинетом для внутреннего пользования политический меморандум о положении в Центральной и Юго-Восточной Европе свидетельствовал о том, что в правящих кругах Великобритании не строили иллюзий относительно возможной внешнеполитической переориентации Италии. С ратификацией соглашения в Лондоне связывали надежды на восстановление традиционной дружбы между двумя странами. Великобритания могла предложить Италии безопасность ее коммуникаций с заморскими странами. Германия же могла оказать содействие итальянским устремлениям в расширении границ ее империи в Северной Африке в районе от Средиземного моря до Индийского океана, причем преимущественно за счет Британской империи. Авторы меморандума считали, что склонность Муссолини и других фашистских руководителей к авантюризму могла подтолкнуть их на агрессивные действия.

В меморандуме рассматривался вариант обострения итало-германского соперничества в Юго-Восточной Европе. В связи с этим отмечалось, что экономическое положение Италии может подтолкнуть ее в сторону Запада. Однако извлечь из этого какие-либо преимущества для Великобритании авторы меморандума не предполагали. Они беспристрастно констатировали, что “при нынешнем положении дел отсутствуют перспективы инвестиций западных держав в Италию”.

В меморандуме предусматривалась также возможность достижения соглашения между Германией и Италией о разграничении сфер влияния в Юго-Восточной Европе, что должно было означать, что Германия нацеливает свою экспансию в направлении Украины⁶⁵.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что англо-итальянское соглашение от 16 апреля 1938 г. имело цели, не выходящие за достижение общего соглашения между Германией, Италией, Англией и Францией. Примечательно, что ратификация соглашения состоялась 16 ноября того же года, т.е. после мюнхенской конференции, в период между подписанием англо-германской декларации 30 сентября и франко-германской 6 декабря, когда дипломатии Великобритании и Франции, казалось бы, удалось достичь договоренности с фашистскими государствами.

На повестке дня оставалось достижение франко-итальянского соглашения. Однако итальянское руководство настаивало на территориальных уступках со стороны Франции. Чиано писал по этому поводу послу в Лондоне о “фундаментальных пунктах нашей внешней политики в отношении Франции: Тунис, Джибути и Суэцкий канал”⁶⁶.

⁶² Ibid., doc. 367, p. 385.

⁶³ Ibid., doc. 351, p. 362; doc. 355, p. 367–369; doc. 432, p. 467; doc. 439, p. 472.

⁶⁴ Ibid., doc. 358, p. 372; doc. 361, p. 374–375.

⁶⁵ *Bolech Cecchi D.* Op. cit., p. 237–238.

⁶⁶ DDI, v. X, doc. 398, p. 429.

Тотчас после ратификации “пасхального пакта” Чиано записал в дневнике: “[Дуче] сильно удовлетворен произошедшим... Все это очень важно, сказал он мне, но это не вносит изменения в нашу политику. В Европе ось остается фундаментальной для нас. В Средиземноморье сотрудничество с англичанами вплоть до той поры, пока это возможно. Франция остается за чертой: в отношении нее практически зафиксированы наши требования”⁶⁷.

В меморандуме Муссолини, подготовленном для предстоящей встречи итальянского и британского министров иностранных дел, указывалось на возможность заключения с Францией соглашения, аналогичного франко-германскому, но при условии полного удовлетворения итальянских притязаний, прежде всего, на Тунис, Джибути и Суэц. 30 ноября Чиано выступил с провокационной речью против Франции, за которой последовали антифранцузские демонстрации в ряде городов⁶⁸. 17 декабря 1938 г. он информировал французское правительство о фактической денонсации франко-итальянского соглашения 1935 г., которое вместе с секретными протоколами расчистило Италии плацдарм для войны против Эфиопии⁶⁹.

Таким образом, мюнхенский курс западных держав в отношении Германии и Италии на деле не умиротворял, а еще более разжигал экспансионистские устремления руководителей этих государств, нейтрализовывал усилия советского руководства и дезориентировал правящие круги стран Восточной и Юго-Восточной Европы в вопросах региональной безопасности.

Что касается советской внешней политики, то донесения итальянской дипломатической миссии в Москве не подтверждают выводы некоторых исследователей, в частности Д.Г. Наджафова, о том, что советское руководство после Мюнхена настроилось на сближение с нацистской Германией⁷⁰.

Донесение итальянского посла в Москве от 15 ноября свидетельствует, что советское руководство имело точную информацию о подготовке тройственного военного союза между Италией, Германией и Японией, и его антисоветская направленность не вызывала никаких сомнений⁷¹. В связи с этим посол в Москве А. Россо обращал внимание на ряд антигерманских шагов советского руководства, направленных в том числе на смягчение позиции Москвы в отношении Польши, о чем говорилось выше, и на сигналы Турции на улучшение отношений с ней⁷².

В конце 1938 г. новое развитие получили переговоры между Германией, Италией и Японией о тройственном военном союзе. 10 ноября было подписано германско-японское соглашение об обмене военной информацией⁷³. 30 ноября начальник штаба верховного главнокомандования вооруженными силами Германии В. Кейтель передал Риббентропу меморандум с изложением платформы генерального штаба на переговорах с итальянской стороной. Основной принцип переговоров был сформулирован следующим образом: “Никакого общего локального ведения военных операций под единым командованием, установление задач и определение частных театров войны для каждого государства, на которых стороны будут действовать независимо”. В разделе “Военно-политическая основа переговоров” указывалось, что в предстоящей войне Германии и Италии против Франции и Великобритании надо вывести из войны в первую очередь Францию. Тогда Великобритания потеряет собственные базы для продолжения войны на континенте и окажется в одиночестве перед объединенным потенциалом фашистских государств⁷⁴.

⁶⁷ *Ciano G.* Op. cit., p. 213.

⁶⁸ *Стегарь С.А.* Дипломатия Франции перед Второй мировой войной. М., 1980, с. 239.

⁶⁹ DDI, v. X, doc. 562, p. 614–615; doc. 566, p. 617–618; doc. 594, p. 645–646.

⁷⁰ *Наджафов Д.Г.* “Подлинное толкование Мюнхена”. Новый архивный документ и его интерпретация. – СССР, Франция и эволюция Европы в 30-е годы. М., 2003, с. 201–202.

⁷¹ DDI, v. X, doc. 406, p. 438–439.

⁷² *Ibid.*, doc. 399, p. 430–431; doc. 476, p. 505–507; doc. 551, p. 601.

⁷³ *Ferreti V.* Op. cit., p. 221.

⁷⁴ Documents on German Foreign Policy. 1918–1947, ser. D, v. 4. London, 1949, p. 411; L’Esercito

Предполагаемые в меморандуме условия для начала военных действий были следующие: строгий нейтралитет Швейцарии, Бельгии и Голландии, благожелательный нейтралитет Венгрии и Испании, неясные позиции Балканских стран и Польши, враждебное отношение к странам оси Советской России. Локальные театры военных действий распределялись между Германией и Италией следующим образом. Первая концентрирует все сухопутные, военно-морские и воздушные силы на Западном фронте. На суше начнется германское наступление против Франции. В это время германский военно-морской флот будет вести действия против британских и французских морских коммуникаций в Северном море и Атлантическом океане. Военно-воздушный флот поддержит действия на море и на суше.

За Италией закреплялись, главным образом, театры военных действий на Средиземном море и в Северной Африке. Италия должна была также способствовать сохранению нейтралитета Балканских стран, являвшихся главной базой снабжения фашистских государств. Лишь в случае возникновения угрозы для Германии на Восточном фронте планировались совместные действия Италии и Венгрии против Польши. Италии предоставлялась возможность оккупации Балеарских островов в Средиземном море, чтобы воспрепятствовать переброске французских сил на материк. Намечался захват Корсики, военные действия во французской Северной Африке, поддержка повстанческого движения в Марокко, действия против британских коммуникаций и военных сил на море и в воздухе, создание угрозы британскому влиянию в Египте, Палестине и на Ближнем Востоке, выведение из строя британской базы на Гибралтаре. На западе итальянцы должны были сковать на своей границе максимально возможное число французских войск.

В заключительную часть меморандума были внесены вопросы, которые вермахт рассчитывал обсудить с итальянцами в первую очередь: участие Италии во всех «оборонительных» (активных и пассивных) мероприятиях Германии, обмен информацией между различными службами вооруженных сил, взаимопомощь в обеспечении сырьем и производстве вооружений, сотрудничество в области коммуникаций. В сущности, эта концепция не исключала возможности создания единого командного союзного органа в целях согласования стратегических директив, а также оказания содействия союзнику на его театре военных действий.

В середине декабря 1938 г. инспектор итальянской артиллерии У. Фаутилли обсудил с немецкими коллегами формы сотрудничества двух армий в военно-технической области. Было достигнуто решение осуществлять тесные контакты между родами войск. В декабре состоялась поездка германского министра хозяйства В. Функа в Италию с целью обсудить вопросы организации экономического сотрудничества между Италией и Германией в условиях военных действий.

Параллельно в Риме было продолжено обсуждение планов, связанных с обеспечением безопасности коммуникаций с Северной Африкой на случай войны. В качестве рабочей гипотезы рассматривалось ведение военных действий Италией и Германией против коалиции стран – Великобритании, Франции, СССР, Египта, Турции и Греции. Гарантией успешного развития событий считалось овладение Мальтой, важным стратегическим пунктом Великобритании в Средиземном море. Из-за разногласий в итальянском военном руководстве окончательных решений принято не было⁷⁵.

15 декабря Муссолини назвал японскому послу приемлемую дату подписания тройственного военного союза – вторая половина января или февраль 1939 г. 4 января посол Аттолико вручил Риббентропу письмо, написанное Чиано по поручению главы фашистского правительства. В письме предлагалось заключить военный союз в конце января и обсудить вопрос о включении в орбиту фашистской оси Югославии, Венгрии и Румынии⁷⁶.

italiano alla vigilia della seconda guerra mondiale. Roma, 1982, p. 377–378.

⁷⁵ *Gabriele M.* Operazione C 3: Malta. Roma, 1975, p. 17.

⁷⁶ *Ceva L.* Altre notizie sulle conversazioni militari italo-tedesche alla vigilia della seconda guerra

ТРЕВОЖНАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ В ЕВРОПЕ В НАЧАЛЕ 1939 г.

Наступление 1939 г. не внесло ясности в сценарий международной политической игры. Мюнхенская политика западных держав не оставляла шансов проектам коллективной безопасности против агрессоров, оставались неясными дальнейшие планы руководства нацистской Германии, не складывался консорциум четырех организаторов мюнхенского сговора, буксовало заключение тройственного военно-политического союза.

6 января итальянская сторона получила новый проект тройственного договора с некоторыми модификациями по сравнению с проектом, который обсуждался во время визита Риббентропа 27–29 октября 1938 г. в Италию. В преамбуле отмечалось “возрастание угрозы со стороны Коминтерна в Европе и Азии”. Статьи проекта были ориентированы на согласованные действия трех держав в случае эскалации угрозы внешнего врага. Секретный протокол предусматривал создание нескольких комиссий для координации действий и организации политической, экономической и военной помощи, согласования информационной войны. Документ выглядел крайне беззубым и не содержал даже намека на разграничение сфер влияния⁷⁷.

В преддверии намеченного на начало января 1939 г. визита Чемберлена в Рим Муссолини через свой “секретный канал” направил ему три документа, в которых конкретизировал итальянские притязания. Речь шла о британском посредничестве в итало-французском споре из-за Туниса, Ниццы и Корсики, о расширении прав итальянской общины на Мальте, об англо-итальянском торговом сотрудничестве, о поддержке итальянских амбиций на Балканах, о британской финансовой и экономической помощи в освоении ресурсов Эфиопии⁷⁸.

С целью прояснения перспектив мюнхенского курса и дальнейших намерений Гитлера Чемберлен нанес визит в Рим. С 11 по 13 января 1939 г. он провел переговоры с Муссолини. Линия поведения британской делегации на переговорах в Риме была разработана с учетом того, что Италия является членом фашистской оси и посягать на этот статус Италии Чемберлен не собирался. В портфеле британского премьер-министра были заготовлены предложения относительно некоторых уступок Италии, преимущественно за счет третьих стран. Кроме того, важной, если не главной, целью переговоров являлось выяснение через Муссолини дальнейших намерений Гитлера.

К последней теме Чемберлен возвращался неоднократно во время переговоров с Муссолини. Он ставил вопрос напрямую: намеревается ли Гитлер сделать новый шаг агрессии в направлении Прикарпатской Украины или двинуться на Запад? При этом он подчеркнул, что любые из вышеназванных действий могут иметь локальный характер. Однако наибольшее беспокойство у него вызывало отсутствие представлений об истинных германских намерениях. Несмотря на устойчивое желание британской стороны улучшить отношения с Берлином, – подчеркивал Чемберлен, – он не может, к сожалению, отметить никаких признаков дружеской взаимности или сигналов к началу переговоров со стороны Германии⁷⁹.

Переговоры отразили стремление обоих государств следовать мюнхенским курсом, но они не ответили на главный вопрос визита Чемберлена – о ближайших планах Гитлера.

Основные направления итальянской внешней политики на 1939 г. были сформулированы главой правительства Муссолини в письменном докладе, направленном 5 февраля в высший политический орган фашистского государства – Большой фашистский совет. В нем были сформулированы краткие, средние и долгосрочные ориентиры фашистской внешней политики. Основной итальянской

mondiale. – Il Risorgimento, 1978, №3, p. 152.

⁷⁷ DDI, v. XI, doc. 22, p. 41–43.

⁷⁸ *Quartararo R.* Roma tra Londra e Berlino: la politica estera fascista dal 1930 al 1940. Roma, 1980, p. 411–413.

⁷⁹ DDI, v. XI, doc. 48, p. 73–76.

проблемой Муссолини назвал “отсутствие свободного выхода к океанам”. Он подтвердил итальянские притязания на Тунис, Джибути, Суэцкий канал, Корсику. В качестве возможного развития событий Муссолини не исключал войну с Францией, но предполагал, что она приобретет характер исключительно военно-воздушных и военноморских сражений. Наиболее предпочтительным временем для вступления в войну он называл 1941–1942 г., когда Италия завершит перевооружение. На достижение этих целей, по его мнению, и должна быть направлена политика оси Рим – Берлин, а в качестве ближайшей задачи он определил захват Албании⁸⁰.

Поступавшие из Парижа сигналы свидетельствовали о готовности французского руководства продолжить переговоры с Римом ценою удовлетворения частичных итальянских территориальных требований. Итальянский посол в Париже сигнализировал в Рим, что во французских официальных кругах циркулируют предложения об уступках итальянцам, в частности, о предоставлении Джибути статуса *porto franco* (свободного порта), уступки Италии железной дороги или даже установления итальянского контроля над нею, предоставление итальянцам в Тунисе статуса на основе Конвенции 1896 г.⁸¹

ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ КРИЗИС В МАРТЕ 1939 ГОДА

Сценарии возможной германской агрессии против Чехословакии начали обсуждаться в итальянских дипломатических кругах в начале января. Среди опубликованных итальянских дипломатических документов имеется донесение итальянского военного атташе в Бухаресте Г.Д. Порты, докладывавшего 9 января 1939 г. о полученной им информации из достоверных источников о том, что Чехословакия будет разделена Германией на Богемию, Моравию и Словакию, которые будут присоединены к Германии. На территории Подкарпатской Руси предполагается, сообщил он, создать государство, в которое войдут территории Западной Буковины и Бессарабии. За поддержку Венгрией этого проекта она получит румынские территории, населенные венгерскими меньшинствами⁸².

13 января Аттолико сообщил о встрече сотрудника отдела печати посольства Д. Дзанки с бывшим руководителем “независимой” Украины атаманом П. Скоропадским. По мнению последнего, мюнхенский договор актуализировал украинскую проблему, выдвинув на первый план возможность германской экспансии на Восток. В некоторых официальных кругах, подчеркивал посол, распространяется мнение о том, что Германия приступит к разрешению вопроса о Подкарпатской Руси уже ближайшей весной. Скоропадский не сомневался в том, что будет поддержан германской стороной. После визита в Берлин в начале января и встречи с Гитлером польский министр иностранных дел Ю. Бек заявил о своей абсолютной уверенности в германском продвижении в направлении Украины⁸³.

10 марта бывший глава словацкой автономии Й. Тисо обратился с письмом в Берлин с просьбой установить протекторат над Словакией. Итальянский посланник в Праге Ф. Франсони информировал, что в Праге ждут германской реакции и, если Берлин поддерживает независимость Словакии, не видят возможности противодействовать этому⁸⁴. Вечером 13 марта Риббентроп лично проинформировал посла Аттолико о германских планах захвата Чехословакии⁸⁵. 14 марта Чиано записал в дневнике: “Ось функционирует в пользу только одной из стран оси”, а на следующий день добавил: “Необходимо получить удовлетворение, компенсацию: Албанию”⁸⁶. В инструкции

⁸⁰ Ibid., doc. 155, p. 194–198.

⁸¹ Ibid., doc. 159, p. 201–202.

⁸² Ibid., doc. 44, p. 69–70.

⁸³ Ibid., doc. 54, p. 82–84; doc. 58, p. 89.

⁸⁴ Ibid., doc. 268, p. 325.

⁸⁵ Ibid., doc. 340, p. 409.

⁸⁶ Ciano G. Op. cit., p. 264.

Чиано, направленной посланнику в Тиране Ф. Якомони говорилось, что “необходимо создавать предпосылки для направления флота, авиации и высадки войск”⁸⁷.

В связи с аннексией Чехословакии Муссолини направил Гитлеру слова солидарности, однако большая часть его письма была обращена к обоснованию итальянских притязаний на Албанию и необходимости параллельных действий итальянской стороны с целью присоединения Албании и укрепления итальянских позиций в Адриатическом море⁸⁸.

Едва германские войска вошли в Прагу, как в сопредельных с Чехословакией государствах активизировались планы по расчленению исчезающего государства. Венгрия, по донесениям итальянских дипломатов, вновь вернулась к планам захвата всей Подкарпатской Руси и, таким образом, к установлению общей границы с Польшей⁸⁹. Итальянское руководство было обеспокоено также нарастанием сигналов из Югославии, свидетельствовавших о том, что Хорватия может добиться независимости при германской поддержке. Итальянский консул в Граце сообщал о широко распространенных слухах относительно неминуемого выхода Германии к портам на Адриатике⁹⁰.

Итальянские дипломаты сообщали об озабоченности правящих кругов многих европейских стран в связи с планами Германии по перекройке границ. Они обращали особое внимание на то, что впервые нацистская Германия захватила территории, на которых не проживало немецкое население. Таким образом, по их мнению, Германия приступила к реализации своего плана создания “жизненного пространства”, ближайшие цели которого не поддавались прогнозированию, тем более что речь шла о нарушении обязательств, которые Гитлер персонально взял на себя в связи с Мюнхенским соглашением и Венским арбитражем.

Военный атташе в Берлине генерал Э. Маррас обстоятельно докладывал о значении для Германии захвата Чехословакии. Германия создала блок, насчитывающий 85 млн. жителей, который доминирует в Срединной и Юго-Восточной Европе и полностью поглощает чешскую военную промышленность. “Никаких препятствий более не существует для развития германской экспансии на восток и юго-восток. Претензии к Польше выходят теперь на первый план, усиливаются планы оккупации Украины, выхода к Черному морю, возможности захвата продовольственных и нефтяных ресурсов Румынии”. В военных и политических германских кругах распространяется мнение о том, что континентальная гегемония в Срединной Европе, Дунайском бассейне и на Балканах может с успехом заменить германские колониальные притязания. Через дружественную Венгрию Германии проще оказывать влияние на Карпатскую Украину и реализовать планы отчуждения польской Украины. Отныне Германия становится центральной осью Европы, к чьей организации и мощному военному аппарату друзья и враги должны относиться с вниманием⁹¹.

В середине марта 1939 г. Гитлер дал Венгрии разрешение оккупировать оставшуюся часть Карпатской Руси вплоть до границы с Польшей на севере. Установление общей польско-венгерской границы рассматривалось в Берлине как одно из средств давления на Польшу. В конце марта 1939 г. уже не возникало сомнений относительно того, что следующей жертвой германской экспансии может стать Польша. К такому выводу после беседы с Риббентропом пришел временный поверенный в делах Италии в Берлине М. Маджистрати. К такому же выводу пришел и военный атташе в Берлине Э. Маррас, опираясь на собственные агентурные источники⁹².

Итальянское руководство было обеспокоено активизацией Германии на Балканах и в Юго-Восточной Европе. Последовавшее за чехословацкими событиями заключение

⁸⁷ DDI, v. XI, doc. 304, p. 367.

⁸⁸ Ibid., doc. 310, p. 376–377.

⁸⁹ Ibid., doc. 286, p. 351–352.

⁹⁰ Ibid., doc. 322, p. 386.

⁹¹ Ibid., doc. 324, p. 387–391.

⁹² Ibid., doc. 396, p. 484–485; doc. 400, p. 492; doc. 334, p. 402.

германско-румынского соглашения ставило экономику Румынии под полный германский контроль, о чем посол Аттолико с тревогой докладывал в Рим⁹³. В торговом представительстве Италии в Берлине расценили германско-румынский договор как важный этап в формировании нового германского экономического порядка в Юго-Восточной Европе⁹⁴.

Вечером 17 марта Чиано принял германского посла Г. Макензена. В ходе беседы Чиано затронул хорватский вопрос, напоминая, по его мнению, чехословацкую ситуацию, и подчеркнул, что “в то время как Италия практически не проявляла интерес к положению, которое складывалось в Чехословакии, она не может занимать такую же позицию в отношении событий, в которые может быть вовлечена Хорватия”. Он напомнил послу, что Гитлер всегда заявлял о незаинтересованности Германии в Средиземноморском регионе в целом и в Адриатике в частности. Чиано просил германского посла изложить фюреру итальянскую точку зрения⁹⁵.

По донесениям итальянских дипломатов, практически у всех правительств европейских стран того времени была твердая уверенность в том, что на очереди находится развал Югославии и ее переход под германский контроль. 19 марта Чиано поручил посланнику в Белграде М. Инделли проинформировать короля – регента Югославии о том, что любое изменение статуса Хорватии затронет интересы Италии и что об этой точке зрения итальянского правительства проинформирован Берлин⁹⁶.

Встревоженный Аттолико сообщал в Рим, что в результате германских действий Италия может быть окончательно вытеснена с Балкан. В связи с этим он предлагал до начала переговоров с Германией о военном союзе, добиться взаимных обязательств, особенно, на Балканах. В противном случае, подчеркивал посол, за Италией “будет оставлена только Средиземноморская вода”⁹⁷. 20 марта Чиано принял германского посла Макензена, который по поручению германского высшего руководства заверил итальянскую сторону в том, что “Германия не имеет никаких собственных притязаний ни в одной зоне Средиземного моря и фюрер рассматривает его как итальянское море”. Он опроверг слухи относительно заинтересованности Германии в хорватских делах и в изменении суверенитета Хорватии. Германия, заявил посол, оставляет хорватскую проблему на усмотрение итальянцев⁹⁸.

В тот же день Гитлер принял Аттолико, после чего посол немедленно отбыл в Рим для доклада Муссолини. По итогам беседы с Аттолико Муссолини принял решение продолжить свою линию на сотрудничество с Германией в рамках оси, однако поставил задачу зафиксировать зоны влияния и действий обеих стран и решить в пользу Италии проблему немецко-говорящего населения в Альто Адидже (Южном Тироле)⁹⁹.

20 марта Риббентроп направил своему итальянскому коллеге личное письмо, в котором заверил итальянскую сторону, что “Германия не будет проводить независимую политику в средиземноморских странах” и что Германия “не заинтересована в хорватском вопросе”. Он сообщил, что примерно месяц назад представители хорватских сепаратистов имели в Берлине неофициальные контакты, но им дали понять, что Берлин не будет проводить самостоятельную от Италии политику в этом вопросе. В ответ Чиано выразил удовлетворение признанием германской стороной того, что “во всех средиземноморских вопросах политика оси должна определяться Римом”¹⁰⁰.

⁹³ Ibid., doc. 330, p. 397. О германско-румынском экономическом соглашении см.: *Чемпа-лов И.Н.* К истории заключения германско-румынского экономического соглашения 1939 г. – Новая и новейшая история, 1959, № 1.

⁹⁴ Ibid., doc. 390, p. 477.

⁹⁵ Ibid., doc. 325, p. 391–392.

⁹⁶ Ibid., doc. 335, p. 404; doc. 336, p. 405.

⁹⁷ Ibid., doc. 340, p. 412.

⁹⁸ Ibid., doc. 351, p. 420.

⁹⁹ Ibid., doc. 352, p. 421.

¹⁰⁰ Ibid., doc. 354, p. 424; doc. 389, p. 477.

Накануне запланированной встречи итальянского и германского министров иностранных дел Муссолини составил памятную записку для Чиано с перечнем вопросов, которые ему необходимо обсудить с германским коллегой. “а) цели, в пространстве и во времени, германской политики; б) экономические позиции Италии в балканском и дунайском бассейнах; с) итало-французские, итало-югославские, итало-албанские отношения; д) вывод немцев из Альто Адидже; е) тройственный военный союз; ф) итало-германские экономические отношения”¹⁰¹.

ОККУПАЦИЯ ФАШИСТСКОЙ ИТАЛИЕЙ АЛБАНИИ

Итальянские военные действия против Албании проходили в крайне неблагоприятной для Рима международной обстановке. Только что нацистская Германия расчленила Чехословакию, в Испании победу одержали франкисты. 8 апреля Испания присоединилась к Антикоминтерновскому пакту, что привело к изменению военно-политического баланса сил в Средиземноморье. Попытки фашистского руководства Италии представить в Лондоне и Париже албанскую акцию как противодействие германскому экспансионизму не произвели большого впечатления в Лондоне и Париже, где, напротив, доминировало мнение, что речь идет о согласованных с Берлином действиях по расширению итальянского “жизненного пространства”. Напротив, как доносили итальянские дипломаты, в Лондоне и Париже распространялось убеждение, что действия Рима продиктованы логикой достижения “жизненного пространства” и имеют конечной целью установление контроля над Балканами со стороны держав оси.

Британское руководство признавало наличие особых итальянских интересов в Албании, однако напоминало, что нарушение суверенитета этой страны вступило в противоречие с англо-итальянским соглашением 1938 г.¹⁰² 13 апреля Чемберлен сделал заявление в Палате общин о предоставлении гарантий поддержания суверенитета и территориальной целостности Румынии и Греции. За этим последовало аналогичное заявление французского правительства.

21 апреля британский посол лорд Перт в связи с завершением своей миссии в Риме был принят Муссолини и вручил ему ноту британского правительства, в которой говорилось, что британское правительство намерено “оказывать сопротивление агрессии в особых случаях, однако это не означает, что оно имеет какое-либо желание осуществлять окружение или угрозу Италии или Германии”¹⁰³. Одновременно британская сторона обратилась с просьбой, чтобы при вручении верительных грамот новым послом П. Лорейном не упоминался новый дополнительный титул короля как короля Албании. Итальянская сторона удовлетворила эту просьбу.

На политическом и дипломатическом уровнях итальянское руководство стремилось смягчить последствия оккупации Албании. Оно заверило страны Средиземноморского региона и Великобританию о том, что Италия не имеет планов дальнейшей экспансии в этом регионе. Тем не менее Рим оказывал давление на процесс переговоров между руководителем хорватских сепаратистов В. Мачеком и главой югославского правительства Д. Цветковичем¹⁰⁴.

Итальянская агрессия на Балканах спровоцировала отказ Турции от многолетнего нейтралитета и вызвала подписание 12 мая англо-турецкой декларации о взаимной помощи. В промежутке между этими событиями стало заключение германско-румынского экономического соглашения, фактически поставившего румынскую экономику под германский контроль. В Лондоне приходили к выводу, что действия против Албании являются первой фазой более широкого плана экспансии стран “оси” с целью установления их полного господства на Балканах. Донесения итальянских

¹⁰¹ Ibid., doc. 415, p. 510–511.

¹⁰² Ibid., doc. 496, p. 588.

¹⁰³ Ibid., doc. 585, p. 679; doc. 586, p. 679–680.

¹⁰⁴ Ibid., doc. 586, p. 679–680; doc. 638, p. 737–738.

дипломатов из Афин и Анкары подтверждали растущую озабоченность в этих странах. Целью британского руководства стало закрыть итальянское, а, возможно, и совместное итало-германское продвижение в направлении Восточного Средиземноморья.

С 10 по 14 мая состоялись переговоры Чиано с югославским коллегой А. Цинцар-Марковичем, в ходе которых Италия продвигала идею блока в составе Румынии, Болгарии и Югославии, направленного против Турции. Чтобы осуществить желаемое, отметил Чиано, “необходимо добиться соглашения между венграми и румынами”¹⁰⁵.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СССР В ОЦЕНКАХ ИТАЛЬЯНСКИХ ПОСЛОВ

2 января 1939 г. итальянский посол в СССР А. Россо докладывал в Рим относительно смягчения позиции Москвы по отношению к Польше: “Искренне или нет, но это советское отношение ясным образом демонстрирует, что советские политические директивы нацелены решительно, по крайней мере, в данный момент, на консолидацию и развитие хороших отношений с Польшей с целью ее вовлечения в антигерманский блок, к которому, несмотря на Мюнхен, Литвинов все еще не охладел. Более того, у меня сложилось впечатление, что сегодняшнее обострение итало-французских отношений возрождает в Москве уверенность в возможности создания политической коалиции под знаком антифашизма”¹⁰⁶.

8 января Россо направил в Рим обширное донесение, в котором попытался проанализировать изменения в советской внешней политике, начиная с Мюнхенского соглашения. По его мнению глава советского внешнеполитического ведомства все еще не оставил надежду на формирование антифашистской коалиции демократических государств. И это, несмотря на широко распространенное мнение, что после Мюнхена советское руководство посчитало сражение за коллективную безопасность проигранным. Некоторые надежды на создание коллективной безопасности в советском руководстве поддерживают складывание в Великобритании оппозиции “капитулянтской политике” Чемберлена, явная поддержка Франции в связи с реваншистскими требованиями к ней со стороны Италии, стремление сблизиться с Польшей и с соседними государствами – Финляндией, Литвой, Латвией и Ираном. Кроме того, Москва рассчитывает на сближение между Вашингтоном, Парижем и Лондоном и на нажим со стороны США в отношении Великобритании и Франции с целью формирования демократического блока, к которому мог бы примкнуть СССР. В завершение своего доклада посол констатировал, что его личные наблюдения и приведенные им факты свидетельствуют о том, что советские руководители “ищут различные способы для оживления идеи коллективной безопасности и работают над созданием атмосферы за рубежом, которая благоприятствовала бы советской игре против фашизма”¹⁰⁷.

Мимо внимания итальянского посла в Москве не ускользнуло решение Президиума Верховного Совета СССР о внесении изменений в текст присяги, которую приносят военнослужащие Красной Армии. Вместо слов “я, сын трудового народа” были внесены слова “я, сын СССР” и вместо обязательства встать на защиту мировой революции были вставлены слова о защите Родины. “Другими словами, – подчеркивает посол, – старый текст был вдохновлен концепцией коммунистического интернационала, а новый имеет существенные националистические признаки. Коминтерн замещается обращением к советской Родине”¹⁰⁸.

16 января посол в Москве, обращая внимание на отсутствие Литвинова на сессии Совета Лиги наций, писал: “Политика СССР постоянно делает акцент на “коллективную безопасность”, однако является очевидным сегодняшнее стремление следовать более

¹⁰⁵ Ibid., doc. 705, p. 814.

¹⁰⁶ Ibid., doc. 3, p. 5.

¹⁰⁷ Ibid., doc. 32, p. 56–58.

¹⁰⁸ Ibid., doc. 40, p. 65.

реалистичной тактике, не спеша разрабатывать различные варианты, а не продолжать риторику перед международным ареопагом”¹⁰⁹.

24 января Росо сообщил в Рим о своей беседе с В.П. Потемкиным, который, как бы между прочим, заметил о возможности советско-германских переговоров с целью увеличения объема торговли между двумя странами. Это сообщение было подтверждено временным поверенным в делах Германии в Москве К. фон Типпельскирхом. Послу показалось, что в советских кругах поддерживают слухи о сближении между Москвой и Берлином, возможно, чтобы вызвать реакцию в Лондоне и Париже¹¹⁰.

31 января Росо сообщил в Рим о беседе с турецким послом, приглашенным Литвиновым на обед. Турецкий посол изложил ему идею Литвинова о создании “Черноморского пакта” с участием СССР, Румынии, Болгарии, Турции и Греции. Речь шла о проекте, который мог бы в какой-то мере компенсировать распад Балканской Антанты¹¹¹. Советское предложение вызвало оживленный дипломатический обмен мнениями между указанными странами, однако было воспринято не более чем дипломатический зондаж. Посол Италии в Турции О. Де Пеппо 20 февраля телеграфировал, что по заявлению турецкого министра иностранных дел С. Сараджоглу Турция не получала из советского посольства никаких предложений на этот счет¹¹².

3 марта Росо сообщил о прибытии в СССР английской торговой делегации и высказал свое мнение относительно политического сближения между этими странами. Вопреки ожиданиям, что Мюнхенское соглашение способствовало изоляции СССР, наблюдается противоположная картина. В январе было заключено польско-советское соглашение, затем последовали предложения германской стороны о начале торговых переговоров, было заключено торговое соглашение с Италией, затем последовали торговые переговоры с Ираном и Финляндией и, наконец, в Москву прибыла высокопоставленная британская экономическая делегация во главе с Р. Хадсоном. Все это, делает вывод посол, свидетельствует о растущем советском влиянии в международных делах¹¹³.

1 марта Н. Чемберлен вызвал сенсацию своим посещением посольства СССР в Лондоне, что было расценено в дипломатических кругах как поворот британской политики в отношении СССР и явный признак англо-советского сближения. Однако итальянский посол в Лондоне Д. Гранди призвал не придавать большого значения действиям Чемберлена, которые, вероятно всего, были ответом на критику лейбористов, призывавших не допустить намечавшееся советско-германское сближение. Он выразил уверенность в том, что в англо-советских отношениях не произойдет решительных изменений до тех пор, пока не станут понятны перспективы англо-германского сотрудничества¹¹⁴.

Комментируя речь И.В. Сталина, произнесенную 10 марта 1939 г. на XVIII съезде ВКП(б), итальянский посол в Москве обратил внимание на ее умеренный тон в отношении тоталитарных государств и на нескрываемое раздражение в отношении западных демократий, которые стремятся толкнуть Гитлера в восточном направлении¹¹⁵.

События в Чехословакии подтвердили сложившееся мнение в советском руководстве, что Германия сделала очередной шаг в направлении *Drang nach Osten*. На это указал В.П. Потемкин во время встречи с итальянским послом в Москве. Потемкин предположил, что следующим направлением германской экспансии станут Балканские страны, что неизбежно приведет к столкновению с итальянской

¹⁰⁹ Ibid., doc. 62, p. 94.

¹¹⁰ Ibid., doc. 97, p. 139.

¹¹¹ Ibid., doc. 129, p. 169.

¹¹² Ibid., doc. 205, p. 254.

¹¹³ Ibid., doc. 249, p. 295–296.

¹¹⁴ Ibid., doc. 258, p. 311–312.

¹¹⁵ Ibid., doc. 285, p. 347–349.

политикой. И далее посол приводит текстуально слова Потемкина: “Я убежден, что не так далеко то время, когда ваш великий руководитель признает, что между Италией и СССР существует общность политических интересов и я не вижу, почему различие политических режимов должно препятствовать этому сотрудничеству, которое я начинал в то время, когда имел честь представлять мое правительство в Риме”¹¹⁶. Телеграмма была прочитана лично Муссолини, который поручил передать послу, чтобы он во время встречи с Потемкиным сообщил, что “возможности такого рода никогда нами не исключались”¹¹⁷.

20 марта Аттолико сообщил, что после расчленения Чехословакии в Германии усилились позиции сторонников сотрудничества с СССР¹¹⁸. Тем не менее, в донесениях из итальянского посольства в Москве не было отмечено никаких изменений советской позиции в отношении критического восприятия германской экспансии. Напротив, 25 марта Россо сообщил о достигнутом соглашении между СССР, Великобританией и Францией относительно объявления совместной декларации. Посол отметил незаинтересованность СССР в декларациях исключительно демонстративного характера против тоталитарных государств. “Единственное, что может интересовать СССР – это формирование широкой коалиции с участием его основных приграничных государств (Польши, Румынии и Турции)”. Из бесед с Литвиновым и Потемкиным у итальянского посла сложилось впечатление о наличии у них большой подозрительности в отношении Лондона и Парижа. Сегодня советское руководство заинтересовано в сохранении свободы выбора и ставит своих западных партнеров перед дилеммой: возврат к принципам коллективной безопасности с очень точными и безоговорочными обязательствами взаимной помощи между всеми заинтересованными государствами или СССР сохраняет собственную независимость в принятии решений и действий¹¹⁹.

По итогам визита в Москву британской торговой делегации во главе с Р. Хадсоном Россо сделал предположение, что результаты переговоров можно рассматривать как недостаточные или провалившиеся¹²⁰.

Комментируя внешнеполитические тенденции в Берлине, Аттолико 18 апреля отметил нарастание враждебности в польско-германских отношениях, а характеризуя смысл германской политики в отношении СССР в контексте антипольской кампании, он подчеркнул: “Исключение Советского Союза”¹²¹.

22 апреля посол в Москве Россо информировал, что советское руководство в переговорах с Лондоном и Парижем стремится добиться распространения взаимных обязательств о военной помощи как на Западе, так и на Востоке¹²².

В апреле – мае 1939 г. внимание итальянского посольства оказалось привлеченным к неожиданной для итальянских дипломатов поездке В.П. Потемкина в Турцию. Россо связывал этот визит со стремлением СССР присоединиться к англо-турецкому договору о взаимной помощи. Два дня спустя Аттолико сообщил, что под нажимом Великобритании и России происходит дрейф Турции в сторону противников держав “оси”. “Восточная дверь закрывается”, – констатировал посол¹²³.

Слухи о том, что итогом визита Потемкина в Анкару станет заключение англо-турецко-советского соглашения о взаимопомощи и тем самым расширением гарантий безопасности на Средиземноморье и на Юго-Восточную Европу не оправдались. Англо-турецкий договор о взаимопомощи ограничился обеспечением безопасности двух стран в бассейне Средиземного моря. Комментируя опубликованное коммюнике по итогам советско-турецких переговоров, итальянский дипломат приходит к выводу,

¹¹⁶ Ibid., doc. 326, p. 392.

¹¹⁷ Ibid., doc. 338, p. 407.

¹¹⁸ Ibid., doc. 347, p. 417.

¹¹⁹ Ibid., doc. 392, p. 479–481.

¹²⁰ Ibid., doc. 585, p. 679.

¹²¹ Ibid., doc. 573, p. 662.

¹²² Ibid., doc. 590, p. 683.

¹²³ Ibid., doc. 599, p. 691; doc. 605, p. 697.

что “между Советами и Анкарой никаких конкретных результатов достигнуто не было”¹²⁴.

Отставка М.М. Литвинова с поста наркома иностранных дел, естественно, не осталась без внимания итальянского посла в Москве. Он связывал это событие с тем, что Литвинов в последнее время активно работал над достижением тесного военно-политического сотрудничества с Англией и Францией. Его отставка могла означать провал переговоров с западными державами. Вполне возможно, что недовольство в Кремле было вызвано неудовлетворительными итогами недавней поездки Потемкина в Анкару. На обратном пути в Москву Потемкин посетил Болгарию, Румынию, Польшу, где состоялись его встречи с руководителями этих стран. Итоги переговоров оценивались итальянскими дипломатами весьма сдержанно.

Посол в Берлине Аттолико сделал предположение, что отставка Литвинова означает поражение в советском руководстве сторонников сотрудничества с западными державами и победу приверженцев изоляционистской политики, желающих прямого вооруженного столкновения между фашистскими государствами и западными демократиями¹²⁵. В следующей телеграмме Аттолико сделал предположение, что отставка Литвинова напрямую связана с провалом советско-британских переговоров. В разгар чехословацкого кризиса, когда начали говорить о германских притязаниях на Украину, Литвинов предложил Чемберлену провести конференцию с целью создания широкой системы коллективной безопасности. В ответ глава британского кабинета высказался за проведение консультаций по дипломатическим каналам¹²⁶.

В Берлине отставку Литвинова расценивали как важную предпосылку для улучшения советско-германских отношений. Со слов германского посла в СССР Ф. фон Шуленбурга, Москва ищет сближения со странами “оси”. Эту гипотезу фон Шуленбург, по донесениям Аттолико, считал наиболее вероятной¹²⁷.

На встрече в Милане 6–7 мая с Чиано Риббентроп призвал “использовать благоприятный случай для того, чтобы добиваться присоединения России к блоку стран “оси”, но вместе с тем заявил о необходимости проявлять большую осторожность и абсолютное чувство меры”¹²⁸.

Мимо внимания итальянской дипломатической миссии в Германии не прошло совещание германских послов 10 мая в Мюнхене, проведенное Риббентропом. В ходе его была обсуждена ситуация, вызванная отставкой Литвинова. Риббентроп проявил сдержанный оптимизм в отношении перспектив развития отношений с СССР, указав на важность “возобновления торговых и политических отношений в разумных пределах”¹²⁹.

Итальянский посол в Москве обратил внимание на жесткое заявление ТАСС в отношении Великобритании в связи с ходом англо-советских переговоров. ТАСС выразил недовольство нежеланием британской стороны взять на себя какие-либо конкретные обязательства абсолютной солидарности с СССР на Дальнем Востоке. В следующих телеграммах он предположил, что негативную реакцию в Москве вызвало нежелание Лондона и Парижа пойти на соглашения с Москвой о “полной взаимопомощи”¹³⁰.

12 мая 1939 г. Росо направил телеграмму с развернутым анализом текущей советской внешней политики. В Москве больше не рассматривают фашистскую “ось” как исключительно антисоветский блок, а считают его направленным против Англии и Франции. После оккупации фашистскими государствами Чехословакии и Албании западные державы стали искать способы вовлечения СССР в военные союзы. Однако

¹²⁴ Ibid., doc. 656, p. 758; doc. 673, p. 780; doc. 664, p. 766.

¹²⁵ Ibid., doc. 644, p. 744–745.

¹²⁶ Ibid., doc. 650, p. 750–752.

¹²⁷ Ibid., doc. 659, p. 761; doc. 668, p. 777.

¹²⁸ Ibid., doc. 666, p. 772–773.

¹²⁹ Ibid., doc. 674, p. 780–781.

¹³⁰ Ibid., doc. 675, p. 781; doc. 681, p. 787.

советская внешняя политика, опирающаяся на принципы коллективной безопасности, стремится к созданию единого блока взаимной помощи, который гарантировал бы безопасность в Центральной и Восточной Европе. Советское руководство считает, что Лондон и Париж не проявляют заинтересованность в проекте, основанном на взаимности и равенстве обязательств. Они стремятся только к пакту, который обязал бы СССР оказать поддержку Великобритании и Франции в случае, если они окажутся вовлеченными в конфликт в связи с выполнением их гарантий Польше и Румынии. При этом не принимается в расчет, что это не единственные пограничные страны с СССР. В то время как СССР должен автоматически исполнить взятые на себя обязательства, Лондон и Париж стремятся оставить для себя право выбора времени и места выполнения договорных обязательств. Западные державы добиваются советской поддержки, не предлагая равенства и взаимности в ответ. Таким образом, резюмирует посол, «Москва добивается безопасности на тот случай, если Германия двинется против СССР не только через Польшу или Румынию, но также через балтийские государства или через Финляндию. В этом случае она хотела бы поддержки от Англии и Франции с использованием всей их военной мощи. Решение СССР о военном союзе с Лондоном и Парижем всецело зависит от того, примут ли там условия Москвы»¹³¹.

15 мая Росо прокомментировал публикацию в газете «Известия», в которой выражалась безоговорочная поддержка англо-турецкой декларации от 12 мая 1939 г. По его мнению, в статье настаивалось на теснейших отношениях между СССР и Турцией. Таким образом, итогом поездки Потемкина в Турцию стала гармонизация советской политики с англо-турецкой в Восточном Средиземноморье¹³².

16 мая Росо имел встречу с Потемкиным, который изложил ему свою версию итогов поездки в Турцию. По его мнению, визит в Турцию был поддержан Анкарой, которая пожелала проконсультироваться с дружественным государством накануне заключения пакта с Великобританией. Потемкин утверждал, что пакт находится в гармонии с советской концепцией о взаимной помощи против агрессоров. Англо-турецкое соглашение может быть расширено, чтобы охватить весь Балканский полуостров или, по крайней мере, создать большое пространство безопасности в Черноморском регионе. Советский дипломат считал, что основой для организации системы взаимопомощи на Черном море и Балканах могут стать Балканская Антанта, британские гарантии Греции, тесное советско-турецкое сотрудничество. СССР относится благоприятно к такому расширению и расположен принять в нем участие, если благоприятно завершатся нынешние переговоры с Лондоном об англо-франко-советском договоре о взаимной помощи. Потемкин отмечал, что в Софии и Бухаресте он встретил понимание и желание сотрудничать с Москвой в вопросах безопасности.

В переговорах с польским министром иностранных дел Потемкин заявил, что реально Польша может рассчитывать только на советскую поддержку, тогда как французская и английская может иметь чисто теоретический характер. По мнению Росо, советский дипломат был искренне удовлетворен поездкой в Анкару и последующими переговорами в Софии, Бухаресте и Варшаве¹³³. Из Анкары в Рим поступала информация аналогичного содержания¹³⁴.

20 мая Чиано направил посланникам в Афинах, Белграде и Бухаресте инструкции, в которых говорилось о солидарности итальянского руководства с заявлениями германского правительства, осуждающего англо-турецкое соглашение как направленное против держав «оси»¹³⁵.

Министр иностранных дел Югославии М. Цинцар-Маркович направил письмо своему румынскому коллеге Г. Гафенку, исполнявшему в тот момент роль президента

¹³¹ Ibid., doc. 680, p. 787; doc. 681, p. 787; doc. 692, p. 796–798.

¹³² Ibid., doc. 707, p. 817–818.

¹³³ Ibid., doc. 709, p. 820–821; doc. 711, p. 822–824.

¹³⁴ Ibid., doc. 712, p. 825–831.

¹³⁵ Ibid., doc. 728, p. 847–848.

Балканской Антанты, в котором заявил, что англо-турецкое соглашение противоречит решению членов этой организации о нейтралитете. В связи с возникшими разногласиями между членами этой организации было принято решение провести 8 июня в Анкаре консультации стран – членов Балканской Антанты. Греческий министр иностранных дел И. Метаксос выразил сожаление в связи с тем, что Турция взяла на себя обязательства по англо-турецкому соглашению¹³⁶.

В тот же день 20 мая Аттолико сообщил о новой германской инициативе. Германский посол в Москве получил задание встретиться с новым наркомом иностранных дел В.М. Молотовым, чтобы предложить Кремлю возобновить торговые переговоры, прекращенные несколько месяцев назад. В случае утвердительного ответа германское правительство направит в Москву тех же самых экспертов, которые уже вели переговоры. На следующий день Аттолико телеграфировал в Рим, что первые попытки посла Шуленбурга не увенчались успехом, поскольку Кремль отнесся к ним “с огромным подозрением”¹³⁷.

20 мая вернувшийся в Лондон итальянский посол Д. Гранди доложил в Рим о своих встречах с Чемберленом и Галифаксом. “Мое личное впечатление, что Англия, несмотря на лихорадочные приготовления к войне, будет стремиться избежать ее вплоть до последнего момента”. В доказательство он сослался на характер задаваемых премьер-министром вопросов относительно того, сможет ли Муссолини вновь, как это было в сентябре 1938 г., вмешаться и спасти мир¹³⁸.

22 мая 1939 г. в Берлине состоялось официальное подписание пакта о дружбе и союзе между Италией и Германией¹³⁹. Переговоры о присоединении к нему Японии были продолжены несколько недель спустя. Во время встречи с Чиано в самый канун подписания итало-германского союзного договора Риббентроп заявил о слабости СССР и о том, что Москва не сможет оказать существенную помощь Франции и Великобритании¹⁴⁰.

* * *

Подведем итог. Опубликованные итальянские дипломатические документы добавляют новые штрихи к оценке военно-политического кризиса накануне Второй мировой войны. Донесения итальянских дипломатов убеждают в выводах о разрушительном воздействии мюнхенского курса западных держав на неустойчивую систему внешнеполитических балансов и региональной безопасности в Европе. Мюнхенская политика правящих кругов Великобритании и Франции разрушила сами основы Версальской системы европейской безопасности, стимулировала рост ревизионистских требований, ускорила формирование агрессивных военных союзов.

Мюнхенский курс нанес сокрушительный удар по основам европейской безопасности – системе региональных союзов малых европейских государств, которая основывалась на гарантиях западных держав. Первый Венский арбитраж 1938 г. показал, что инициатива урегулирования спорных вопросов между малыми странами перешла к фашистским государствам.

Провозглашенная советским руководством концепция коллективной безопасности осталась утопическим проектом в предвоенные годы. Академик А.О. Чубарьян обоснованно считает, что “где-то в районе 1937 г. стало ясно – эта концепция выдыхается”¹⁴¹.

Донесения итальянских дипломатов из Москвы подтверждают, что двусторонними соглашениями с Германией правительства Великобритании и Франции попытались

¹³⁶ Ibid., doc. 732, p. 851; doc. 734, p. 853.

¹³⁷ Ibid., doc. 729, p. 848.

¹³⁸ Ibid., doc. 731, p. 851–852.

¹³⁹ Ibid., doc. 735, p. 854–855.

¹⁴⁰ Ciano G. Op. cit., p. 299.

¹⁴¹ Чубарьян А.О. Мюнхенское соглашение в европейской истории предвоенного периода. – Мюнхенское соглашение 1938 г.: история и современность. М., 2009, с. 17.

обезопасить свои интересы в отношениях с Германией, оставив СССР за пределами концерта четырех держав.

С конца 1938 г. усилилось германское давление на малые страны Восточной и Юго-Восточной Европы, ранее находившихся в орбите влияния западных держав. С каждым германским продвижением на Восток риски нацистской агрессии против СССР становились все более очевидными для советского руководства. Политика умиротворения, проводимая правительствами Великобритании и Франции, оставляла все меньше шансов на возможность присоединения СССР к их планам региональной безопасности с участием Польши, Румынии, Греции и Турции, тогда как советское руководство, по донесениям итальянских дипломатов в Москве, добивалось безопасности на тот случай, если Германия двинется против СССР через Прибалтийские страны или через Финляндию. В этом случае Москва хотела бы поддержки от Англии и Франции с использованием всей их военной мощи, т.е. по сути Москва настаивала на принятии принципов коллективной безопасности с очень точными и безоговорочными обязательствами взаимной помощи между всеми заинтересованными государствами. С этим она связывала провал переговоров В.П. Потемкина в ходе его поездки 27 апреля – 5 мая 1939 г. в Турцию и страны Восточной Европы. Для советского руководства не были секретом и переговоры между Германией, Италией и Японией о военном союзе, который в Токио намеревались использовать, прежде всего, против СССР¹⁴².

Опубликованные итальянские документы не дают прямого ответа на вопрос о динамике советско-германских отношений. Однако на основе их анализа можно сделать вывод об общих тенденциях советской внешней политики, какими они виделись из дипломатического представительства в тот момент далеко не самого дружественного Москве государства.

Вслед за мюнхенским соглашением итальянские дипломаты рассуждали о возможных изменениях советского внешнеполитического курса в сторону сближения с государствами “оси”. Однако из анализа отчетов дипломатической миссии в Москве, донесений из итальянского посольства в Берлине, записей переговоров между руководящими итальянскими и немецкими лицами не подтверждаются выводы некоторых исследователей о том, что Сталин с конца 1937 г. “начал постепенно осуществлять политику сближения с нацистской Германией... и искать сотрудничества с экспансионистской Германией с целью заключения соглашения о разделе мира”¹⁴³. Но было бы естественным предположить, что советское руководство априори рассматривало и активизировало не один, а несколько вариантов решения проблем безопасности страны в различных комбинациях политических и военных союзов.

Заключение итало-германского военного союза 22 мая 1939 г. подвело черту под мюнхенским периодом “умиротворения агрессоров”. Становилось очевидным, что фашистские союзники готовятся к фронтальному военному столкновению в борьбе за мировую гегемонию.

¹⁴² DDI, v. XI, doc. 254, p. 305–307.

¹⁴³ *Aga-Rossi E., Zaslavsky V. Togliatti e Stalin. Il PCI e la politica estera staliniana negli archivi di Mosca.* Bologna, 1997, p. 34.